

Либерально-демократические ценности / Journal of liberal democratic values <https://liberal-journal.ru>

2021, №4 Том 5 / 2021, No 4, Vol 5 <https://liberal-journal.ru/issue-4-2021.html>

URL статьи: <https://liberal-journal.ru/PDF/02UNLD421.pdf>

Ссылка для цитирования этой статьи:

Акиева П.Х. Справедливость и право: проблемы дефиниций и практики // Либерально-демократические ценности, 2021 №4, <https://liberal-journal.ru/PDF/02UNLD421.pdf> (доступ свободный). Загл. с экрана. Яз. рус., англ.

For citation:

Akieva P.Kh. (2021). Justice and law: problems of definitions and practice. *Journal of liberal democratic values*, [online] 4(5). Available at: <https://liberal-journal.ru/PDF/02UNLD421.pdf> (in Russian)

Акиева Петимат Хасолтовна

НАНО ВО «Институт мировых цивилизаций», Москва, Россия
Профессор кафедры «Адвокатуры и правоприменительной деятельности»
ГБУ «Ингушский научно-исследовательский институт имени Ч. Ахриева», Магас, Россия
Ведущий научный сотрудник
Доктор исторических наук
E-mail: petim@yandex.ru

Справедливость и право: проблемы дефиниций и практики

Аннотация. В статье рассматривается ключевой принцип демократического государства — «справедливость», анализируется реализация его содержательной части в правовой практике государства, в частности Российской Федерации. Автором представлен небольшой экскурс в историю теоретического осмысления самого понятия «справедливость». В юриспруденции эта категория является основным принципом демократического государства, а также нормотворчества и правовой практики. Дискурс о содержании и взаимосвязи справедливости и права остается одним из актуальных по настоящее время. Обращает внимание вопрос о характеристике этой категории как неюридической, универсальной, относящейся к различным сферам жизни общества. Делается вывод о том, что справедливость, выступая социально-этическим критерием права, является фундаментом всего строя государственно-правовых отношений в демократическом обществе. Автором, на примере Закона РСФСР «О реабилитации репрессированных народов» 1991 года, показана практика реализации принципа справедливости в правовом поле России.

Ключевые слова: справедливость; право; принцип демократического государства; законность; практика; Закон РСФСР «О реабилитации репрессированных народов»; митинги

Справедливость и право — взаимосвязанные понятия. В мировой науке понятие справедливость достаточно описано. Являясь фундаментальным в системе общественных отношений, содержание категории «справедливость» интересовало человечество с древнейших времен [14, с. 386].

Теоретические подходы к пониманию справедливости условно делят на этический, социальный и правовой периоды [17, с. 16–17].

Этические разработки понятия в классическом философском понимании связаны с именами древнегреческих ученых (Гесиод рассматривал справедливость, как честность и умеренность; Демокрит — как исполнение долга; Сократ — как знание и нравственность;

Аристотель выделял уравнивающую и распределяющую справедливость, Эпикур писал о справедливости, как договоре о не причинении вреда друг другу).

Переход понятия справедливость в правовое поле связан с деятельностью римских юристов. Надо признать, что еще Аристотелю принадлежит заслуга в определении связи права и справедливости через закон, который в известном смысле и есть справедливость, установленная законодателем [2, с. 84]. Это и есть аристотелевская общая справедливость, но имела также и частная, субъективная, выступающая как мера отношения к другим, как некая добродетель государственного мужа. Под субъективной справедливостью Аристотель понимал бескорыстность и равномерность «распределения почестей и денег» [2, с. 86–87].

В римской традиции право само становится справедливостью, складывается юриспруденция справедливости. Это созвучие справедливости с законом, т. е. нравственной и правовой сторон акта реализации права, подчеркивалось выражением «*aequum et bonum est lex legum*» («справедливость и общее благо являются законом законов») [9, с. 40]. Нормативное римское право («*jus*»), объединяя этические нормы добра и искусство эквивалентности («*aequitas*»), восходит к справедливости («*justitia*»), которая является порождением природы вещей. Справедливость для римлян, таким образом, это естественное условие существования государства, только в ее «пределах... возможно социальное взаимодействие» [11, с. 75].

Классики Нового времени расширили подходы к теории справедливости. Так Ф. Бэкон рассматривал справедливость в совокупности с общественной пользой, которые являются фундаментом права. Средний человек эгоистичен, руководствуется страхом, часто поступает недальновидно, с точки зрения Бекона, ограничен интеллектуально (склонен заблуждаться относительно истинной пользы для общества), что делает необходимым существования законов и государства [3, с. 21]. Т. Гоббс видел сущность справедливости в сохранении собственности, что, как и государство, справедливость строится на договоре, «а соглашения без меча, лишь слова, которые не в силах гарантировать человеку безопасность» [5, с. 129]. По своей природе человек эгоистичен, следовательно, враждебен обществу. Поэтому в естественном состоянии равенство людей приводит к войне, избежать которую способно государство посредством принуждения к исполнению законов. Таким образом, справедливость рассматривалась как реализация партикулярного интереса индивида, реализуемая посредством подчинения законам [5, с. 261]. Его мнение о том, что справедливость бытует там, где есть собственность, перекликается с точкой зрения Дж. Локка о том, что справедливость есть «сообразное с законом обращение с личностью или имуществом («*goods*») другого» [13, с. 376]. Согласно Дж. Локку политическое единство, с его институциональными механизмами реализации справедливости (законы и судебная власть) строится на основе нравственного согласия между людьми. Таким образом, принципы справедливости предшествуют гражданскому договору и, соответственно, праву. Дж. Локк считал, что справедливость базируется на собственности (совокупность имущества, жизни и свободы), условия пользования которой должны быть созданы государством через законы [23, с. 350]. Просвещенческая трактовка справедливости, в частности Ж.Ж. Руссо, наоборот обосновывает вывод о появлении нравственного согласия между людьми, некой моральной общности только на основе общественного договора. В таком обществе закон, как волеустановленное право, является выражением общей воли, «ибо воля отдельного человека по своей природе стремится к преимуществам, а общая воля — к равенству» [15, с. 216]. Объединяя окончательно естественное право и политический порядок через понятие общей воли, Ж.Ж. Руссо видел в разуме основу справедливости, которая должна осуществляться через законы. Установленная Дж. Локком взаимосвязь принципов справедливости и требований разума, понимаемых как универсальные этико-правовые, нашла продолжение в философии И. Канта [11, с. 88]. И. Кант рассматривал свободу индивида как первейшую предпосылку справедливости, осуществление которой возможно в условиях законосообразного порядка. Кант выделял две формы

существования справедливости — карающая, принуждающая и распределительная. В обоих случаях справедливость есть высшее нормативное основание для законов и моральный критерий для принуждающей власти, их издающей. Только так, на основе справедливости, возможно уважение, доверие и признание власти подданными [18, с. 212]. О взаимосвязи справедливости и права писал Гегель, отмечая необходимость государства решать нравственные проблемы. Справедливость нуждается в защите, поскольку требует поиска равенства, т. е. соразмерности (преступления-наказания, услуга-поощрения и т. д.).

В настоящее время известны теории справедливости исследователей Дж. Роулза [25], И. Шапиро [20], Р. Нозика [24], О. Хёффе [19], которые рассматривали принципы справедливости, как основы стабилизации и безопасности общества.

Таким образом, мнения ученых, относительно содержания сложного понятия справедливость и его соотношения с правом, разнятся. Многомерность нормативно-аксиологических трактовок справедливости связана с различным правовым и моральным мышлением, характерным для того или иного исторического периода. Можно выделить две составные части понятия — это меритель, т. е. объект справедливых принципов организации и распределения (то, в отношении чего эти принципы применяются) и содержание, в котором трактуются сами принципы [20]. Так, справедливость сводится к мере должного, в политико-правовом контексте охраняемого законом. Справедливость, как ценностный ориентир, включающий в себя нравственный, социальный и правовой аспекты, характеризует общественные отношения и государственно-правовые явления. Она лежит в основе государства в качестве ключевой ценности, на которую ориентирована механика элитогенеза.

Сегодня в современных государствах доминирует либеральная доктрина, с ее экономическими свободами и торжеством индивидуализма. Она делит общества на «традиционные» и «модернизированные», тем самым снимая с обсуждения вопрос о том, каким должно быть качество «по-настоящему справедливого» государства [21, с. 70]. С другой стороны, рыночные отношения, в которых справедливость рассматривается лишь как ресурс для получения выгоды, подчас не укладываются в рамки обществ с иной социальной структурой.

Применительно к России принятие на вооружение либеральной доктрины в 1990-е годы стало способом доказательства своей принадлежности к кругу цивилизованных западных демократий. Навязанные извне стандарты породили в обществе с патриархальным типом жизнеустройства, нравственный конфликт, непонимание идеи правового государства, представляя его недостижимым идеалом [12, с. 75–76].

Демократия, равноправие, гуманизм, как и справедливость, относят к принципам права. Впрочем, справедливость в этом ряду является больше чем принцип, так как в теоретическом плане она фундамент всего строя государственно-правовых отношений в демократическом обществе. Но справедливое еще не значит правовое. Справедливость не ограничена юридическими рамками, а наоборот выступает социальным и этическим критерием права [22, с. 54]. Именно, благодаря многомерности справедливости, властвующие имеют возможность использовать нужную трактовку в качестве идеологического манипулирования, создания нужного представления или давления на общество.

В Конституциях многие государства позиционируют себя как «правовые» и «социальные», в контексте приоритета закона, реализующего принцип справедливости. Что же показывает нам реальность? Можно ли квалифицировать Российскую Федерацию как правовое государство, основанное на принципе справедливости?

«Правовое государство стало в нашей стране, — как верно заметил д.ю.н., профессор А.А. Кондрашев, — в значительной мере метафорой, за которой конкретный гражданин не

ощущает какого-либо содержания» [12, с. 75–76]. Конституционная практика подтверждает эту мысль. Так, председатель Конституционного суда РФ В.Д. Зорькин указывает, что правовое государство, формирование и деятельность институтов которого основано на демократических принципах справедливости и равенства в Российской Федерации, так и не сложилось [4].

Понятно, что первые годы становления российской федеративной государственности требовали налаживания общественной жизни, формирования нового блока нормативно-правовых актов на демократической основе. Однако ожидание «справедливости» конкретными людьми, народами нашего многонационального государства, мягко говоря, затянулось.

Красноречивым тому примером может служить тридцатилетнее неисполнение Закона РСФСР «О реабилитации репрессированных народов» 1991 г., одного из самых гуманных актов современности, признающих преступными сталинские репрессии. Государство до настоящего времени игнорирует восстановление прав депортированных народов. В частности, не проведена территориальная реабилитация ингушского народа, которым не вернули Пригородный район; так же карачаевцам отказано в воссоздании автономии, немцам Поволжья — в восстановлении республики, оставлены без внимания интересы балкарцев в возврате административных границ муниципальных образований (двух районов и трех сел).

Справедливость, как этико-правовая категория, насыщена эмоциональной окраской должностования, она подпитывает надежду и веру народа в исправление властью своих ошибок. Как говорил И. Кант, ничто не возмущает нас больше, чем несправедливость, все другие виды зла, ничто по сравнению с ней [8, с. 201]. Историческая несправедливость прошлого в отношении народов многонационального государства всегда берedit раны в настоящем, точно также как беззаконие порождает требования справедливости.

Так, обнародование Закона Республики Ингушетия «Об утверждении Соглашения об установлении границы между Республикой Ингушетия и Чеченской Республикой» от 4 октября 2018 г. [7] стало продолжением проблемы несправедливости государства в вопросе территорий и вызвало митинги ингушского народа 2018–2019 гг. Отметим, что если границы между субъектами, определенные согласно соглашению 1993 г., подписанному президентом Республики Ингушетия Р. Аушевым и президентом самопровозглашенной Чеченской Республики Ичкерия Дж. Дудаевым признаются «нелегитимными»,¹ то протокол 2003 г., подписанный Ахматом Кадыровым и Муратом Зязиковым, по которому часть Сунженского района (станции Серноводская и Ассиновская) были переданы Чечне, остальная часть оставалась под юрисдикцией Ингушетии можно было взять за основу для демаркации. Однако этого не произошло.

По итогам событий митинги 2018–2019 гг. были разогнаны, лидеры протеста до настоящего времени находятся под следствием по обвинению в организации насилия и создания экстремистского сообщества. В юридическом плане определение КС РФ спустило принятие решения по вопросу установления границ территорий на уровень органов власти заинтересованных субъектов, а необходимость учета мнения и согласия местного населения субъектов законодатель посчитал неважным (ч. 3 ст. 67 Конституции РФ).

Если теперь уже тридцатилетнее неисполнение Закона РСФСР «О реабилитации репрессированных народов» 1991 г. привели к военным действиям, начавшимся в ночь на

¹ После выхода Чечни из состава Чечено-Ингушской АССР (1991 г.) граница между субъектами определялась территорией автономных областей до 1934 года, согласно соглашению 1993 года, подписанному президентом Республики Ингушетия Р. Аушевым и президентом самопровозглашенной Чеченской Республики Ичкерия Дж. Дудаевым.

31 октября 1992 г. с обстрелов осетинской стороной ингушских кварталов селений Октябрьское и Камбилеевка Пригородного района,² то политические приоритеты в вопросе территорий федеральной исполнительной власти, вкупе с активным лоббированием интересов одной стороны сегодня порождают чувство большой несправедливости и недоверия к власти.

Таким образом, селективные действия федеральной власти вымывают один из фундаментальных принципов в системе демократичной правовой многонациональной России — равноправие народов. Справедливое положение всех народов должно быть выражено в их полном юридическом равенстве, точно также, как оно не должно зависеть от того, «являются ли народы “субъектообразующими” или нет» [1, с. 96, 147]. Манифестация некой личности видится и в поправке к части первой ст. 68 Конституции РФ о русском как языке «государствообразующего народа». Упомянув «многонациональный народ Российской Федерации», в который входит «государствообразующий», законодателю стоит определиться — все-таки равноправны народы или есть особенный, русский? По факту обращения общественных организаций национальных республик «негосударственнообразующих народов» КС РФ не увидел элементов дискриминации. Возможно, также как и не замечает несправедливость формулировки.

Спрос общества на «справедливые» государственные услуги актуален и на уровне прав граждан. В силу того, что законом невозможно учесть все жизненные нюансы, законодатель разрешает, в случае обнаруженных пробелов, принимать решения, руководствуясь общими принципами права и на основе требований добросовестности и разумности [6]. В результате, как показывает судебная практика, правоприменители «формально относятся к принципу справедливости и рассматривают его как теоретический трафарет, ... подменяют его принципом законности» [22, с. 57].

Таким образом, государство, как держатель ресурса справедливости, посредством различных общественных организаций, аффилированных фондов, СМИ, государственных элит создает нужную ценностную атрибутику, определяет то, каким смыслом надо наполнять справедливость, чтобы впоследствии в таком же русле дополнить нормативно-правовую базу. Либо использует формальный подход, по сути, игнорируя проблему.

«Современной России коренным образом, следует переосмыслить имеющиеся и исторически сложившиеся подходы к месту и роли справедливости в жизни современного общества» [22, с. 57]. Баланс между понятиями справедливость, право и государство не сформирован. Сегодня, к сожалению, приходится констатировать, что справедливость это политическая иллюзия, основанная на вере народа в базовый социальный миф о возможной счастливой жизни.

² Несмотря на то, что официально признано, конфликт начался утром 31 октября 1992 года согласно документам Генпрокуратуры РФ в ночь военные действия начались с обстрела ингушских домовладений Пригородного района // Справка Генпрокуратуры РФ об обстоятельствах возникновения осетино-ингушского вооруженного конфликта, его развития и роли в нем федеральных органов власти и управления // [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://old.memo.ru/d/23201.html>.

ЛИТЕРАТУРА

1. Авакьян С.А. Конституционное право России. Т. 2. М. 2005.
2. Аристотель. Этика // Аристотель. СПб. 1908.
3. Бэкон Ф. Новый органон // Сочинения в 2 т. 2-е изд. Т. 2. М. 1977.
4. Глава КС признал Россию не до конца правовым государством // URL: <https://www.rbc.ru/politics/17/05/2016/573aea3b9a7947864ecb6860> (Дата обращения 01.06.2021).
5. Гоббс Т. Избранные произведения. Т. 2. М. 1956.
6. Гражданский Кодекс РФ. Ч. 2. Ст. 6.
7. Закон Республики Ингушетия «Об утверждении Соглашения об установлении границы между Республикой Ингушетия и Чеченской Республикой» от 4 октября 2018 года № 42-РЗ (Соглашение об установлении границы между РИ и ЧР от 26 сентября 2018 года).
8. Кант И. Сочинения // В 6-ти томах. Под общ. ред. В.Ф. Асмуса. А.В. Гулыги, Т.И. Ойзермана. Т. 2. М. 1964.
9. Катомина В.А., Санисалова Н.А. Законность и справедливость: единство, различия и взаимодействие // Вестник Пензенского государственного университета № 2. 2013.
10. Кирюхин Д.И. Справедливость как aequitas и justitia в философско-правовой мысли Древнего Рима // Вестник Московского университета. Серия 7. Философия. № 3. 2013.
11. Кирюхин Д.И. Понимание справедливости Джоном Локком // Вестник Пермского университета. 2013. Вып. 4(16).
12. Кондрашев А.А. Идея правового государства в России: конституционная мифология и правовая реальность // Исследование российской государственности. № 3(124) март 2017.
13. Локк Дж. Опыт о человеческом разумении // Локк Дж. Соч. в 3-х т. Пер. с англ. А.Н. Савина. Т. 1. Под ред. И.С. Нарского. М. 1985.
14. Правовая система социализма. Понятие, структура, социальные связи // Под ред. А.М. Васильева. Кн. 1. М. 1996.
15. Руссо Ж.-Ж. Об общественном договоре. Пер. с фр. Отв. ред. Г.Э. Кучков. М. 1998.
16. Справка Генпрокуратуры РФ об обстоятельствах возникновения осетино-ингушского вооруженного конфликта, его развития и роли в нем федеральных органов власти и управления // [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://old.memo.ru/d/23201.html>.
17. Соловьева А.А. Категория справедливости в правовом регулировании: историко-теоретическое исследование. Автореф. дис... канд. юрид. н. Челябинск. 2006.
18. Соловьев Э.Ю. Категорический императив нравственности и права. М. 2005. С. 2012.
19. Хёффе О. Политика, право, справедливость: Основоположения критической философии права и государства. М. 1994.

20. Шапиро И. Три способа быть демократом // Полис. № 1–2. 1992.
21. Шестов Н.И. «Справедливость» и государство // Известия Саратовского университета. Серия Социология, политология. 2015. Т. 15. Вып. 1. С. 70.
22. Цыбулевская О.И., Милушева Т.В. Справедливость в праве: аксиологический подход // Вестник поволжского института управления. Т. 17. № 5. 2017.
23. Locke J. two Treatises of Government / ed. by P. Laslett Cambridge: Cambridge University press. 2008.
24. Nozick R. Anarchy, State und Utopia. Basic Books. 1974.
25. Rawls J. The Idea of an Overlapping Consensus. Oxford Journal of Legal Studies. 1987.

Akieva Petimat Khasoltovna

Institute of World Civilizations, Moscow, Russia
Ingush Research Institute named after Ch. Akhriev, Magas, Russia
E-mail: petim@yandex.ru

Justice and law: problems of definitions and practice

Abstract. The article examines the key principle of a democratic state — "justice", analyzes the implementation of its substantive part in the legal practice of the state, in particular the Russian Federation. The author presents a small excursion into the history of the theoretical understanding of the concept of "justice". In jurisprudence, this category is the basic principle of a democratic state, as well as the rule-making and legal practice of the state. The discourse on the content and relationship of justice and law remains one of the most relevant to the present. Attention is drawn to the question of the characterization of this category as non-legal, universal, relating to various spheres of society. It is concluded that justice, acting as a social and ethical criterion of law, is the foundation of the entire system of state and legal relations in a democratic society. The author, using the example of the Law of the RSFSR "On the rehabilitation of repressed peoples" of 1991, shows the practice of implementing the principle of justice in the legal field of Russia.

Keywords: justice; law; the principle of a democratic state; legality; practice; the Law of the RSFSR "On the rehabilitation of repressed peoples"; rallies